

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ЛИТЕРАТУРЫ

MODERN APPROACHES TO LITERATURE STUDYING

Ланин Б.А.

Главный научный сотрудник Института содержания и методов обучения РАО,
доктор филологических наук, профессор

E-mail: borial2003@gmail.com

Lanin B.A.

Chief research scientist at the Institute for content and methods of
training (Russian Academy of Education),

Doctor of Philology, Professor

Рецензия на книги:

*Самарские филологи: Яков Аронович Роткович/ Отв. ред. О.М. Буранок. Самара: СГПУ, 2009.
– 163 с. Тираж – 300 экз.*

*Теоретические и методические аспекты изучения литературы: Сборник материалов Все-
российской научно-практической конференции, посвященной памяти доктора педагогических
наук профессора Марка Григорьевича Качурина/ Отв. Ред. Л.В. Басманова. – Стерлитамак:
Стерлитамакская государственная педагогическая академия им. Зайнаб Биисевой, 2009. 255
с.*

The books review:

Samara philologists: Yakov Aronovich Rotkovich / Executive editor. Buranok O.M.. Samara: SGPU,
2009. – 163 p. – 300 copies

Theoretical and methodical aspects of studying of the literature: the Collection of materials of the All-
Russia scientific-practical conference devoted to memory of the doctor of pedagogical sciences profes-
sor Kachurin M.G. / Executive editor Basmanova.L.V. – Sterlitamak: Sterlitamak state pedagogical academy
named after Zajnab Biisheva, 2009. 255 p..

Аннотация. В сдвоенной рецензии рассказывается о двух книгах, посвященных выдающимся специалистам в области методики преподавания литературы. Их работы значительно расширили наше представление о природе литературы и о существе и особенностях ее преподавания. Яков Аронович Роткович был создателем целой отрасли в методической науке – истории методики преподавания литературы. Марк Григорьевич Качурин создал замечательные учебники, ставшие классическими образцами жанра. Обе книги позволяют нам лучше понять современное состояние методики литературы.

Annotation. Reduplicate article review relates about two books dedicated to prominent experts in methods of teaching literature in secondary school. Their studies significantly contributed into our understanding both nature of literature and nature of teaching. Yakov Rotkovich was the founder of the whole branch in a methodical science – history of the literature teaching methods. Mark Kachurin wrote very popular textbooks that became classical examples of genre. Both books help us to understand the fundamental basis of modern situation of teaching literature in Russia.

Ключевые слова: методика преподавания литературы, эстетическое воспитание, филологическое образование, анализ литературного текста, жанр, системность в преподавании

Keywords: methods of teaching literature, aesthetical education, philological education, literary text analysis, genre, systematic teaching

Вышедшие на периферии два сборника научно-методических работ не получили достойного освещения в педагогической прессе, а зря. Они обращаются к наследию двух выдающихся методистов 20-го века – Я.А. Ротковича и М.Г. Качурина.

Наследие **Я.А. Ротковича** можно определить одной фразой: до него фундаментальной истории преподавания литературы, истории методики попросту не существовало. Была лишь одна книга, написанная А.Н. Скафтымовым, замечательная, как все, что он писал (1). Но саратовца Скафтымова угораздило отредактировать учебную хрестоматию по литературе для немецких школ довоенного Поволжья (2), и это стало роковым в его научной биографии. Его статьи цитировали все, а книг не издавал никто, и так длилось более тридцати лет.

Так что методисты учились на работах Я.А. Ротковича (1909-1975). Без цитирования его докторской диссертации «История преподавания литературы в русской средней школе (от середины XVIII века до 60-х годов XIX века включительно)» не обходилась впоследствии ни одна диссертация по методике. Его главные книги: «Очерки из истории преподавания литературы в русской школе» (1953), «В.Я. Стоюнин. Избранные педагогические сочинения»: вступительная статья, составление и комментарии (1954), «Вопросы преподавания литературы. Историко-методические очерки» (1959), «Хрестоматия по истории методики преподавания литературы» (1956), «Очерки по истории преподавания литературы в советской школе» (1965), «Методика преподавания литературы в советской школе: хрестоматия» (1969), «История преподавания литературы в советской школе» (2-е изд., 1976).

42 года Я. А. Роткович проработал в Куйбышевском государственном педагогическом институте им. В.В. Куйбышева. К 100-летию со дня его рождения коллегии провели конференцию, издали эту книгу и сборник докладов. В рецензируемой книге – четыре раздела: «Из наследия ученого», «Воспоминания о Я. А. Ротковиче», «Размышления о наследии Я.А. Ротковича», «Список основных опубликованных работ Я.А. Ротковича».

В качестве предисловия использована давняя юбилейная статья В.А. Бочкарева и С.В. Фролова «К 60-летию со дня рождения Я.А. Ротковича», опубликованная еще в 1969 г. в газете «Волжская коммуна». Автобиография Я.А. Ротковича – тоже интересное чтение: жизнь известного советского ученого – из чего она складывается и что собой представляет. Брюсов полагал в свое время, что о символизме все забудут, но посвященные ему, Брюсову, две строчки в литературной энциклопедии останутся. Роткович сам написал «две строчки», в которых заключена вся его жизнь: «В результате почти сорокалетнего труда мною в основном завершена история преподавания литературы в русской школе, от ее истоков в XVIII веке и до настоящего времени... Эта новая область методической науки получила за последние годы широкое признание и оказывает заметное воздействие на разработку методики в целом» (С.12).

Не будет никакого тома в ЖЗЛ. Что там сказать о Ротковиче? Написал стопку книг и кучу статей, не отрываясь от преподавательской работы? Как пишет его ученица, ныне известный профессор Н.А. Бодрова, «начав свою работу в вузе в должности ассистента, Я.А. Роткович уже тогда фактически проводил работу, выполняемую доцентами». Читал и «Методику преподавания литературы», и «Теорию литературы», и «Русскую литературу», и «Литературу народов СССР» – одну из сложнейших дисциплин на филологическом факультете советских времен: критерии – сплошь идеологические, а предмет – эстетический; и «Устное народное творчество», и «Советскую литературу», вел спецсеминары и спецкурсы о Кольцове, о Горьком, о связи литературы и фольклора, заведовал кафедрой литературы с конца 1937 года, с момента получения кандидатской степени, был проректором по учебной и научной работе.

Жизнь великолепного глубокого ученого укладывается в один абзац, а в ЖЗЛ нужны драматические сюжеты, лучше сенсационные. Разве начатая в коммуналке и достигшая шести тысяч томов библиотека – сюжет? Дети, выросшие – буквально – на книжках – драма? А прозвище «Соловей», данное студентами за блестящие лекции? У других-то «Овод»... Замечательно играл на скрипке, а кто знал, кроме близких? Семья из пяти человек, живущая на одну его зарплату – разве невидаль? Но в том-то и секрет жизни каждого выдающегося ученого, что вместо сенсаций и скандалов после него остаются школа, читатели, что своим служением науки он являет пример новым поколениям ученых. Ведь наука – она не для всех, она только для вдумчивых, размышляющих, объединяющих, сопоставляющих, пишущих...

Дочь Н.А. Ратнер вспоминает, как они приехали на неделю в Москву. Девушка надеялась, конечно, побегать по магазинам, театрам и музеям, но попала с отцом в Ленинскую библиотеку: «Ленинка поразила меня своим величием, организацией работы и огромным количеством занимающихся в ней людей. Но самое большое впечатление на меня произвел отец. Мы приходили в девять часов утра, так как иначе я не нашла бы места в читальном зале. Отец занимался в другом зале – профессорском – и его проблема свободного места не волновала, но ради меня он шел к открытию, обкладывался книгами, на каком-то этапе снимал пиджак и, не вставая, работал до обеда.

К этому времени я уже уставала, несколько раз поднималась со своего места и шла к нему, он с удовольствием со мной разговаривал несколько минут о моих успехах и снова погружался в работу, а я брела к себе. Мы вместе обедали в библиотечной столовой, и все продолжалось в том же духе до пяти-шести часов вечера. Я была потрясена! Я думала, что ни за что не выдержу такого темпа, но появлялось второе дыхание, и я снова читала, думала, выписывала. Даже не задумываясь, что может быть по-другому, он (немолодой и не очень здоровый человек) показал мне такой класс работоспособности, увлеченности, целеустремленности, который я запомнила на всю жизнь и теперь, через десятилетия, вспоминаю об этом и восхищаюсь» (С.76).

Книга, которая лежит передо мной, она как раз показывает, что такое жизнь ученого: лекции и конференции, чтение и написание, аспиранты и коллеги, а главное – огромное удовольствие от всего этого! По два часа беседовал он с увлеченными студентами, вспоминает его ученик С.А. Голубков: «При научном консультировании Яков Аронович обязательно обращал внимание на многие детали (верность ссылки на надежный источник при цитировании, уместность тех или иных сокращений, точность использования терминологии, логика в выстраивании аргументов, соотносимость описываемых фактов с общей исторической хронологией и т.д.). Все эти советы были советами ученого, воспитывающего у студента подлинную культуру научного труда. Когда он наталкивался на какую-нибудь общую дежурную фразу, вроде такой: «Данное произведение оставило определенный след в развитии отечественной литературы», то с упреком говорил: «Определенный» – самое неопределенное слово. Надо быть точным и конкретным». И становилось стыдно за выпорхнувшую невзначай легковесную строчку» (С.151).

В случае с Голубковым усилия Ротковича вовсе не пропали даром: когда мне довелось в далеком 1994 году оппонировать С.А. Голубкову на защите докторской диссертации, я был восхищен не только его замечательной эрудицией и филологической культурой, но и умением очень емко, «технично», доходчиво формулировать свои идеи. Язык диссертации был прекрасный, живой, порой ироничный... Сейчас С.А. Голубков заведует кафедрой, которой когда-то заведовал его учитель. Его воспоминания «Два часа в кабинете ученого» – благодарная дань памяти: «К науке нельзя относиться легкомысленно, - говорит ученый. - Среди учителей есть «урокодатели» и есть Учителя. То же и в науке. Есть ремесленники от науки, есть ученые. Необходимо терпение, большая внутренняя дисциплинированность. Ученый должен быть принципиален, честен. И кроме всего, ученый – это в известной мере и общественный деятель. Нельзя жить только узкопрофессиональными интересами» (С.95).

Очень важные для понимания методики литературы слова Ротковича передает его бывшая аспирантка А.Н. Воробьева: «Яков Аронович постоянно подчеркивал, что методика преподавания литературы в школе – это не только система уроков, разработанная в соответствии с тематическими задачами, с учетом множества составляющих факторов (педагогических, психологических и т.д.), но это, прежде всего, знание и понимание самого материала преподавания, умение интерпретировать художественные тексты, постоянная практика анализа, которая должна трансформироваться в устойчивые навыки аналитического чтения как одну из основ профессии учителя-словесника. Сначала – овладеть тем, что преподаешь, потом – тем, как с наибольшей пользой преподать» (С.87).

Впрочем, и для любителей драм в этой книге найдутся страницы. В феврале 1937 года Роткович защитил кандидатскую диссертацию «В.Я. Стоюнин. Жизнь и творчество». Авторитетные оппоненты, одним из которых был классик методики преподавания литературы профессор В.В. Голубков, предложили ученому совету рекомендовать диссертацию к публикации в качестве отдельной книги. Книга такая была подготовлена к печати, и Учпедгиз издал ее в 1941 году. Вот только в каталогах библиотек вы эту книгу не найдете. Обратите внимание на год издания: весь 8-тысячный тираж был уничтожен во время боев вместе со складом смоленской типографии. Как известно, перед

отступлением даже не удалось уничтожить партийный архив, который целиком был вывезен нацистами, а потом захвачен союзниками и переправлен в Американский национальный архив. С книгой о русском методисте возиться не стали: ее просто-напросто сожгли. Ротковичу чудом достался сигнальный экземпляр, который он и сохранил.

Даже номинальных ученых становится все меньше, а настоящих – и подавно. Когда молодой ученый прочтет эту книгу, он лучше оценит свои жизненные перспективы, сделает правильный выбор профессии и образа жизни, и если кому-то книга поможет в этом, то выполнит еще одну задачу.

Книга о **Марке Григорьевиче Качурине** сделана иначе. Это классический сборник по результатам выступлений в ходе научной конференции. В выступлениях обсуждают методические проблемы, в разработку которых Качурин внес наибольший вклад: самостоятельная исследовательская работа ученика, системность литературного образования и системность изучения русской литературы в школе, восприятие литературного текста читателем, методика анализа литературного произведения и т.п.

М.Г. Качурин совсем недавно ушел от нас, в 2006 году. Овдовев, переехал к сыну в Орlando (штат Флорида), но любимую литературу не бросил: печатался в русскоязычных американских журналах, продолжал публиковаться и в России. Казалось, совсем недавно (а на самом деле – двадцать лет назад, в 1992 году) я приехал в Петербург на конференцию. Там мы с ним познакомились, разговорились, и он предложил моим аспиранткам обсудить проблематику их исследований. Помню, как они были восхищены его радушием и заинтересованностью, с которой маститый ученый отнесся к ним, подмосковным молодым учителям.

М.Г. Качурин получил великолепное филологическое образование. В университете он учился вместе с Ю.М. Лотманом, их переписка есть в сборнике лотмановских писем. Учителя были выдающиеся. Лотман позже утверждал, что ни один университет мира не мог похвастаться таким профессорско-преподавательским составом на филологическом факультете: М.К. Азадовский, Г.А. Бялый, Г.А. Гуковский, А.С. Долинин, Д.Е. Максимов, В.Я. Пропп, Б.В. Томашевский, Б.М. Эйхенбаум... Что ни имя – легенда! Качурин не был «желторотым» студентом: он уже прошел войну, оборонял родной город на «Невском пятачке», узкой полоске, которую советские войска удерживали до апреля 1942 года. Л.В. Басманова приводит его слова из малоизвестной публикации: «Я там пробыл три месяца. Это было лобное место, дивизии и полки там перемальвались, как в какой-то взбесившейся мясорубке. Мы видели заснеженную землю с пятнами грязи и крови. Землянки были тесные, наскоро и неглубоко врытые. Фронтной хлеб уже выручить не мог: приварка почти не было. Зубы кровоточили от цинги и выпадали, и «куриная слепота», начинавшаяся в сумерки, не позволяла ничего увидеть дальше двух-трех метров» (С.4).

После ранения и длительного лечения Марк Григорьевич остался в рабочей команде при госпитале в Кронштадте, где и отпраздновал победу. Так что Качурин вернулся в университет уже возмужавшим, прошедшим огни и воды Великой Отечественной войны. Оказалось, жизнь щедра на испытания. Следующим испытанием стала борьба с «космополитами», безумная политика государственного антисемитизма, приведшая к изгнанию оставшихся в живых после Холокоста евреев из учебных заведений, аптек и больниц, музеев и оркестров. На глазах у потрясенных студентов ученики распинали своих учителей. Униженные, боявшиеся лишиться куска хлеба профессора каялись в несовершенных проступках, признавались в не существовавших грехах. На глазах у студентов гордость университета – выдающегося профессора Г.А. Гуковского – клеймил его любимый ученик, вскоре занявший его место декана филологического факультета и беззастенчиво поставивший на его книге о критическом реализме свое имя. У дочери осталась рукопись, которая так и не стала доказательством в судебном разбирательстве об авторских правах – не было его, разбирательства.

На этих же собраниях Качурин получил еще один урок, урок нравственной стойкости и человеческого достоинства. Только один из любимых профессоров, Николай Иванович Мордовченко, автор блестяще написанных книг по истории русской литературы, нашел в себе силы выступить в защиту унижаемых коллег. С тех пор он всегда говорил: «Легче всего сказать: «Надо было сделать так-то и так-то. Мой принцип – встань сам и покажи, как надо» (С.5).

Если сравнивать с Ротковичем, то сразу замечаем, что Качурин был методистом иного типа. Он всегда любил работать с детьми. По его словам, с 15-ти лет начал работать пионервожатым. Он знал

всех учителей Ленинграда и области, потому что работал поначалу на скромной должности инспектора РОНО. Учительский хлеб напоминал ему по вкусу солдатский – трудно он добывался. Поэтому вся методическая работа Качурина была направлена в помощь учителю. Здесь была иного рода фундаментальность: основанная на знании эстетической природы литературы, на понимании механизмов восприятия текста ребенком.

Как пишет А.С. Акбашева в статье «М.Г. Качурин и проблемы литературного образования», для Качурина методика опиралась на фундаментальное литературоведение и живое читательское восприятие, как ученика, так и учителя. Учитель при этом должен стать исследователем а) художественного текста, б) читательского восприятия (своего и чужого), в) мира современного школьника, его ценностных ориентаций (С.29).

Системность – вот любимое слово Качурина-ученого. Качурин всегда спорил с теми, кто ограничивал значение литературы в школе лишь эстетическим наслаждением а в советское время – идеологизированным воспитанием. Вместе с эстетической восприимчивостью, литература как учебный предмет должна была развивать интерес ребенка к самостоятельному научному поиску, пробуждать в нем исследовательские наклонности. Как же нужно любить детей, всех детей, чтобы «подозревать» каждого из них в обладании скрытыми исследовательскими способностями! Таким уж был человеком Марк Григорьевич. Системности в преподавании литературы была посвящена докторская диссертация Качурина, защищенная в 1976 году и называвшаяся «Системность литературного образования в школе» (на материале изучения русской классической литературы).

В рецензируемом сборнике много воспоминаний о Качурине. Бывшие аспиранты из разных уголков России (неслучайно сборник издан в Стерлитамаке) повторяют в них словечко «оКачуриться», которое для его учеников означало приобщение к качуринскому научному духу, благородной атмосфере глубоких и основательных исследований.

Мне хотелось бы обратить внимание на работу историка методической науки из Оренбурга Т.Е. Беньковской «Учебное исследование в школьном изучении литературы как основа методической системы М.Г. Качурина» (кстати, в книге о Я.А. Ротковиче помещена другая статья оренбургского профессора). Она оставляет за скобками статьи фундаментальную филологическую образованность М.Г. Качурина и говорит о дидактической основе его методической системы. По мнению Беньковской, она основана на концепции И.Я. Лернера и М.Н. Скаткина. «Именно учебное исследование как метод и как уровень, на котором школьники учатся осваивать и применять теоретико-литературные понятия, будет положено М.Г. Качуриным в основу его концепции изучения теории литературы в школе» (С.40). С какого класса начать исследовательскую работу? Тут порога не существует, с пятого, предлагал ученый. Беньковская обращает внимание на то, как «применяя метод «исследовательской игры» при изучении в 5 классе «Кладовой солнца» М. Пришвина, М.Г. Качурин показывает, как, «играючи», можно решать трудные задачи преподавания: в ходе наблюдений и размышлений над текстом естественно «открываются» учащимся научные понятия жанра, художественного олицетворения, правды и вымысла в искусстве, помогая полнее и глубже воспринять произведение» (С.41).

Автор учебника по русской литературе для 9 класса, выдержавшего 15 изданий, и методического пособия к нему, выдержавшего немногим меньше – 13 изданий, Качурин в 90-е годы пришел к созданию учебника для школ с углубленным изучением литературы. Я помню, как после заседания экспертно-методического совета при Министерстве просвещения рецензировавший его Г.И. Беленький, обычно весьма сдержанный в похвалах, сказал об этом учебнике одно лишь слово: «Великолепно!» Сейчас видно, насколько этот учебник выше и по методическому аппарату, и по литературному материалу некоторых скороспелых учебников времен книжного бума начала 21 века. Правда, и школьники для этого особенного учебника нужны особенные, а не стремящиеся лишь безболезненно сдать ЕГЭ.

Лучшие книги М.Г. Качурина – «Поэма Н. В. Гоголя "Мертвые души" в школьном изучении» (совм. с А.М. Докусовым, 1982), «Организация исследовательской деятельности учащихся на уроках литературы» (1988), «Петербург в русской литературе» (1994), «Библия в русской литературе» (1995), «Ученик-исследователь на уроках литературы» (2001), «"Вот твой вечный дом": Личность и творчество Михаила Булгакова» (2000, совм. с М.А. Шнеерсон) – остаются классикой методической науки, а появление сборника, в котором исследуются различные аспекты его научно-методической деятельности, – важное событие в отечественной методике преподавания литературы.

Литература:

1. Скафтымов А.П. Преподавание литературы в дореволюционной школе. — Саратов, 1939.
2. Хрестоматия по литературе для немецких школ / Сост. А. П. Медведев, Е. И. Покусаев.- Энгельс: Немецкое гос. изд-во, 1939.